

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 48-УД24-13СП-А2

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

21 мая 2024 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего судьи Абрамова С.Н.,

судей Романовой Т.А., Рудакова Е.В.

при секретаре судебного заседания Волковой Ю.В.

с участием прокурора Генеральной прокуратуры РФ Копалиной П.Л., осужденного Евстратьева Б.Н. (в режиме видеоконференц-связи) и в защиту его интересов адвоката Шухардина В.В.,

рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационной жалобе адвоката Шухардина В.В. в защиту интересов осужденного Евстратьева Б.Н. на приговор Челябинского областного суда от 25 мая 2022 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 3 октября 2023 г.

По приговору Челябинского областного суда от 25 мая 2022 г.

Евстратьев Борис Николаевич, [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED] несудимый,

осужден:

по п. «в» ч.4 ст.162 УК РФ на 11 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 200 000 руб., с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;

по п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ на 15 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;

на основании ч.3 ст.69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний, окончательно – на 17 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, со штрафом в размере 200 000 руб., с

ограничением свободы на 2 года, с установлением ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в ночное время суток – с 22 до 6 часов по местному времени, не изменять места жительства (пребывания) и не выезжать за пределы территории муниципального образования, где осужденный будет проживать после отбытия наказания в виде лишения свободы, без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы; с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, 2 раза в месяц для регистрации.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 3 октября 2023 г., приговор Челябинского областного суда от 25 мая 2022 г., в отношении Евстратьева Б.Н. оставлен без изменения.

Заслушав доклад судьи Романовой Т.А. о содержании судебных решений, существо кассационной жалобы и поданных на нее возражений, выступление осужденного Евстратьева Б.Н. и адвоката Шухардина В.В., которые поддержали доводы, изложенные в жалобе, а также мнение прокурора Копалиной П.Л., полагавшей, что оснований для пересмотра приговора и апелляционного определения не имеется, Судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

по приговору суда, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, Евстратьев Б.Н. признан виновным в разбойном нападении на потерпевших К[] Е[], К[] В[] и К[] О[], с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, и с угрозой применения такого насилия, с использованием оружия и предметов в качестве такового, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью К[] Е[], действуя при этом группой лиц по предварительному сговору, а также в совершении убийства К[] Е[] в ходе разбоя.

Преступления совершены 24 октября 2013 г. в Челябинской области при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационной жалобе адвокат Шухардин В.В., выражая несогласие с осуждением Евстратьева Б.Н., просит отменить судебные решения как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права. Ссылаясь на результаты предыдущего разбирательства уголовного дела в отношении подзащитного и причины

отмены состоявшихся ранее судебных решений, а также, излагая обстоятельства преступлений, как они установлены в приговоре, считает, что новое рассмотрение дела проведено без соблюдения требований уголовно-процессуального закона; вердикт вынесен присяжными заседателями на основе недопустимых доказательств, до их сведения доведен протокол осмотра места происшествия от 27 октября 2013 г., тогда как понятые принимали участие в следственном действии не с момента нахождения там следователя и потерпевшей, что допускает возможность злоупотребления следователем своими полномочиями и ставит под сомнение результаты осмотра, выразившиеся в обнаружении гильзы, которая является по существу единственным доказательством по делу; некоторые листы протокола не содержат подписи всех участников осмотра, в частности, Ф [] и Т [], а подписи на его первом и последнем листе от имени Б [] выполнены, по заключению специалиста, разными лицами, к тому же Б [] не мог быть понятым, так как является родственником погибшего потерпевшего К [] – его двоюродным братом; указанное в протоколе предъявления Евстратьева для опознания К [] время проведения следственного действия, не соответствует фактическому, так как совпадает частично со временем производства допроса Евстратьева в качестве свидетеля; не отвечает требованиям законности акт экспертизы от 27 июня 2014 г. №1327/3-1/17, поскольку эксперт, давший заключение, вышел за рамки своих специальных познаний и дал оценку доказательствам, а именно, обстоятельствам обнаружения исследованных пули и гильзы, а при допросе в судебном заседании допустил суждения, противоречащие выводам экспертизы; к числу недопустимых доказательств относится заключение эксперта от 30 октября 2014 г., основанное, в свою очередь, на акте экспертизы от 16 июля 2017 г. № 443, где содержатся недостоверные и полученные без соблюдения закона выводы, так как не проведено обследование самой потерпевшей К [] В. [], вопреки положениям Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ №194н, в исследовательской части не имеется описания рентгеновских снимков, что свидетельствует об их отсутствии в распоряжении эксперта, не мотивировано, по каким причинам эксперт отверг им же установленные ранее данные, полученные при непосредственном осмотре К [] В. [] о неустановлении у нее телесных повреждений, относящихся по времени образования к 24 октября 2013 г., а вновь указанные результаты экспертного исследования не подтверждены объективными данными; подлежало исключению из разбирательства заключение эксперта от 25 марта 2014 г. №701/3-1/17 в части выводов о том, о том, что представленная на исследование гильза, вероятно, стреляна в карабине «Сайга-410С» № [], так как указанный ответ носит вероятностный характер; по подобным основаниям не подлежало оглашению заключение эксперта от 11 марта 2014 г. №586/3-1/18-200 МК в части исследования и описания футболки

потерпевшего К [REDACTED], так как в дальнейшем футболка была утрачена, что делало невозможным проверку достоверности выводов эксперта, в том числе, относительно расстояния, с которого произведен выстрел в потерпевшего, одетого в эту футболку; не могли служить доказательствами по делу другие утраченные, согласно результатам служебной проверки, вещественные доказательства; на недопустимость в качестве доказательства гильз, среди которых представленная Евстратьевым, стрелянная экспертом П [REDACTED] а также изъятая с места происшествия, указывают недостатки, связанные с их упаковкой и отсутствием сведений о времени, месте и лицах, сделавших это, что выяснено при осмотре конвертов в суде; нарушил суд принцип равноправия и состязательности сторон, неправомерно исключил из разбирательства дела все значимые заключения специалистов, имевшиеся в деле и дополнительно представленные стороной защиты; председательствующий не позволил стороне защиты исследовать из заключений экспертиз описание объектов исследования и их фотографии, и напротив, допустил исследование доказательств стороны обвинения в стадии дополнений, хотя она не имела препятствий обратиться к этим доказательствам изначально и таким образом, злоупотребила своим правом; допущенные при рассмотрении дела нарушения повлияли на содержание вердикта присяжных заседателей; допущены председательствующим судьей нарушения в стадии постановки вопросов, подлежащими разрешению присяжными заседателями, так вопрос №1 относительно разбойного нападения и убийства сформулирован в качестве единого, несмотря на то, что указанные преступления не образуют идеальную совокупность, к тому такая же редакция вопроса стала основанием для отмены в отношении Евстратьева оправдательного приговора; в целях обеспечения возможности правильной формулировки вопросов уголовное дело подлежало возвращению прокурору, в чем стороне защиты было необоснованно отказано; обвинительное заключение подлежало пересоставлению также по причине необходимости исключения из него обвинения по п. «ж» ч.2 ст.105 УК РФ, о котором присяжные заседатели не должны были знать, так как ранее постановленным приговором, отмененным по жалобе защитника, Евстратьев был осужден только по п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ; не соответствовало закону обвинительное заключение в связи с тем, что включенные в него показания потерпевших К [REDACTED] В. [REDACTED] и К [REDACTED] О [REDACTED] были получены без предупреждения последних об ответственности по ст.307, 308 УК РФ, а следовательно, есть основания считать, что эти показания фактически отсутствуют в деле, что влечет невозможность законного допроса названных лиц в судебном заседании; до вынесения вердикта по делу старшина разгласил суждения, имевшие место во время совещания, сообщив об отсутствии у коллегии единодушного ответа по последнему вопросу, каковым, как стало ясно сторонам, являлся вопрос о снисхождении, который подлежал разрешению только в случае признания

подсудимого виновным; ходатайство стороны защиты о роспуске коллегии присяжных заседателей по данному основанию, судьей беспочвенно отклонено; анализ доказательств по делу свидетельствует, что председательствующий судья имел достаточные основания для принятия решения, предусмотренного ч.5 ст.348 УПК РФ, так как, несмотря на обвинительный вердикт, не доказано событие преступления – убийство К[REDACTED], а также - причастность Евстратьева к преступлениям, не установлен мотив преступных действий; признав недоказанным, что Евстратьев договорился с другим лицом лишить жизни К[REDACTED], присяжные заседатели, таким образом, установили, что у нападавших отсутствовала цель и намерение убийства К[REDACTED], к тому же имеются причины для утверждений о том, что действия в отношении К[REDACTED] вообще носили эксцесс исполнителя и выстрел в К[REDACTED] произведен, когда последний стал защищать свою мать, а потому образуют состав ч.1 ст.105 УК РФ; основания отмены предыдущего приговора исключали также квалификацию действий Евстратьева по п. «ж» ч.2 ст.105 УК РФ, при этом содеянное в отношении К[REDACTED] В[REDACTED] подлежало переквалификации с ч.4 на ч.3 ст.162 УК РФ из-за отсутствия признака причинения ей тяжкого вреда; назначенное осужденному наказание является несправедливым вследствие чрезмерной суровости, его вид и размер определен судом без учета заключения о состоянии здоровья Евстратьева, которое ухудшилось в период нахождения в условиях изоляции, а также состояния здоровья его супруги, условий жизни его семьи, кормильцем которой он являлся; указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости применения ч.6 ст.15 и ст. 64 УК РФ, а ввиду уже отбытого осужденным срока наказания на смягчение его участи в порядке ст.79 и 80 УК РФ, предоставление возможности исправления без реального лишения свободы, то есть с применением положений ст.73 УК РФ.

В возражениях на кассационную жалобу государственный обвинитель Афлитонova К.Ю. ссылается на то, что уголовное дело рассмотрено с соблюдением особенностей установленных для данной формы судопроизводства и без существенных нарушений закона, которые могут служить основанием для отмены судебных решений; допустимость доказательств судами первой и апелляционной инстанции в должной мере проверена, разглашения тайны совещательной комнаты не допущено; квалификация, данная действиям осужденного, основана на обстоятельствах, которые признаны присяжными заседателями доказанными; наказание, назначенное Евстратьеву является законным и справедливым.

Аналогичное отношение к доводам жалобы выражает в поданных возражениях потерпевшая К[REDACTED] В[REDACTED].

Изучив материалы уголовного дела в отношении Евстратьева и

обсудив доводы, изложенные в его защиту адвокатом Шухардиным, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что на этапе досудебного производства по делу и его рассмотрения в суде, в том числе апелляционной инстанции, не допущено таких нарушений норм УПК и УК РФ которые в силу своей существенности повлияли на законность судебных решений, являющейся в силу ст.401.1 УПК РФ предметом судебного разбирательства в кассационном порядке и, как следствие, – на исход дела.

Никаких препятствий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом для разбирательства уголовного дела на основе имевшегося в нем обвинительного заключения, суд не имел и указанные в жалобе адвокатом причины для возвращения дела прокурору не относятся к недостаткам, о которых идет речь в ст.237 УПК РФ.

Так, содержание обвинительного заключения в полной мере позволяло правильно сформулировать перед присяжными заседателями вопросы, поскольку в нем указаны все необходимые сведения об обстоятельствах дела, которые у них подлежат выяснению согласно ст.334 УПК РФ.

Не влияли на законность обвинительного заключения, вопреки доводам адвоката, результаты предыдущего рассмотрения дела и никаких оснований для исключения из обвинения части обстоятельств, в зависимости от позиции прежней коллегии присяжных заседателей к их доказанности либо для внесения изменений в правовую оценку действий Евстратьева, не имелось, равно как и для возвращения дела прокурору по причине изложения в обвинительном заключении показаний потерпевших, которые по мнению стороны защиты, не отвечают требованиям допустимости.

Разбирательство уголовного дела проведено с соблюдением требований ст. 334, 335 УПК РФ, а также положений ст. 252 УПК РФ, то есть, только в пределах предъявленного Евстратьеву обвинения, включая указанные в нем мотивы действий, а также с учетом позиции подсудимого, который отрицал свою причастность к инкриминируемым преступлениям, с проверкой при этом выдвинутого им алиби.

С участием присяжных заседателей исследованы лишь те доказательства, которые содержат данные о фактических обстоятельствах дела, являются относимыми к делу и признаны допустимыми с точки зрения их соответствия требованиям закона.

Вопросы, связанные с допустимостью доказательств, инициированные как стороной защиты, так и обвинения, являлись предметом тщательного и всестороннего исследования суда. По результатам их обсуждения со сторонами, изучения процедуры сбора доказательств, которая отражена в спорных протоколах и иных процессуальных документах, актах экспертиз, а

также на основе допроса участников следственных действий и экспертов, судом в каждом случае приняты на этот счет мотивированные решения, изложенные в протоколе судебного заседания либо в отдельных письменных постановлениях.

Суд в должной мере выяснил обстоятельства производства осмотра места происшествия, в ходе которого была обнаружена гильза, и правомерно не установил данных, свидетельствующих о фальсификации хода указанного следственного действия либо подлоге его результатов, зафиксированных в протоколе от 27 октября 2013 г. Сам по себе факт отсутствия в указанном протоколе подписей начальника ОУР ОМВД России по Сосновскому району Челябинской области Ф [] и оперуполномоченного этого же отдела Т [], которые оказывали содействие в производстве осмотра, суд обоснованно счел недостатком технического характера, поскольку бесспорно установил их роль в следственном действии, в чем убедился путем допроса Ф [] и других лиц, указанных в протоколе.

Дана в судебном заседании оценка доводам адвоката Шухардина о невозможности привлечения к осмотру места происшествия в качестве понятого Б [], с целью чего в судебном заседании были выяснены причины его нахождения в это время в доме у К [], степень родства с участниками преступного события. В основу отказа в исключении протокола осмотра места происшествия из разбирательства судом правильно положен факт отсутствия у Б [] заинтересованности в искажении обстоятельств дела путем удостоверения не соответствующих действительности хода и содержания следственного действия. К тому же, суд учел, что наряду с Б [], об условиях производства осмотра свидетельствовали С [], К [], В [], Ф [], чьи показания были исследованы, а также имевшая место фиксация посредством фотосъемки обнаруженной гильзы. При этом ни С [] с Б [], будучи понятыми, ни К [] В [] не имели причин для таких действий со своей стороны, которые противоречат интересам Евстратьева, так как последний на указанный момент в поле зрения правоохранительных органов не находился и на причастность к преступлениям не проверялся.

Не соглашаясь с утверждениями стороны защиты о выполнении в протоколе осмотра места происшествия подписи от имени Б [] разными лицами, суд обосновано принял во внимание на этот счет показания самого Б [], признавшего принадлежность каждой из подписей ему, чему опровержения не имеется. При этом предметом изучения специалиста, на заключение которого адвокат Шухардин ссылается в жалобе, образцы подписей Б [] не являлись, а выводы адвоката о несхожести между собой нескольких подписей Б [], что, по мнению адвоката, видно при их обозрении, субъективны.

Не установлено предусмотренных законом оснований для исключения из разбирательства протоколов предъявления потерпевшим Евстратьева для опознания. Проверив доводы адвоката о несоответствии времени производства опознания, указанного в протоколах реальному, допросив потерпевших К [] [] и О. [], следователя С [], статиста К [], исследовав показания понятого С [], которые участвовали в опознании в различных процессуальных статусах, а также учитывая отсутствие со стороны защиты спора о предъявлении Евстратьева для опознания как факте, имевшем место, суд обоснованно сделал вывод о том, что следственные действия были проведены и протоколы в полной мере отражают как их процедуру, так и результаты. Отдельные незначительные совпадения во времени производства опознания Евстратьева с его допросом в качестве свидетеля оценены как несущественные, чему суд привел убедительное обоснование в своем постановлении от 22 марта 2022 г. К тому же указанный протокол допроса Евстратьева в процессе доказывания сторонами не был использован.

Не вызывает у Судебной коллегии сомнений полнота проведенной судом проверки доводов стороны защиты о незаконности как доказательств актов различных экспертиз, включая перечисленные адвокатом Шухардиным в жалобе. Каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона при назначении экспертиз по делу суд не установил. Имевшиеся у сторон вопросы, связанные с процедурой производства экспертных исследований, компетенцией экспертов их проводившими, исследованными объектами и их особенностями, использованными исходными данными, примененными методиками, содержанием исследовательской части актов экспертиз и соответствием вытекающих экспертных выводов, были в судебном заседании всесторонне выяснены в процессе изучения заключений экспертов, обозрения вещественных доказательств, в том числе гильзы, пули, оружия, медицинской документации К [] В. [], а также допроса в судебном заседании экспертов П [], С [], К [] С [], Т [].

Детально в судебном заседании осмотрена упаковка вещественных доказательств, которая признана надлежащей с учетом движения дела на предыдущих стадиях судебного производства, где эти доказательства были предметом исследования.

Мотивы, по которым суд не согласился с утверждениями стороны защиты о недопустимости в качестве доказательств заключений экспертов, в судебных решениях приведены. В тех случаях, когда понимание присяжными заседателями выводов эксперта требовало доведения до них сведений из исследовательской части акта экспертизы, судом такие решения приняты.

Причины, по которым суд не посчитал требующим оглашения присяжным заседателям описания исследованных предметов, которое приведено в актах экспертиз, указаны. В постановлении суда правильно отмечено, что подробный осмотр этих предметов содержится в соответствующих протоколах следственных действий, имеющих своей целью фиксацию всех их свойств и особенностей. К тому же сохраненные вещественные доказательства, в частности, такие как пуля, гильза, оружие могли быть предъявлены присяжным заседателям для обозрения, чем, как видно из протокола судебного заседания, сторона защиты воспользовалась.

Доводы защитника о том, что выводы экспертов не подлежат исследованию, в связи с тем, что они носят не категоричный характер и исследованные ими предметы, которые признаны вещественными доказательствами, позже утрачены, а в ходе допроса эксперт допустил суждения, противоречащие изложенным в заключении, сводятся, по своей сути, к спору о достоверности доказательств, а не их юридической силе.

Из постановления суда от 28 декабря 2021 г., вынесенного по итогам рассмотрения ходатайства адвоката об исключении доказательств из разбирательства, и содержания приведенных в нем как нормативных, так и ведомственных актов, следует, что объектом судебно-медицинской экспертизы, в том числе, цель которой определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, может являться как живое лицо, так и медицинские документы, предоставленные в распоряжение эксперта в установленном порядке.

Пункт 27 Медицинских критериев, на который ссылается адвокат в обоснование недопустимости акта судебно-медицинской экспертизы в отношении К [REDACTED] В. [REDACTED], предусматривая, что степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не определяется, если живое лицо, в отношении которого назначена судебно-медицинская экспертиза, не явилось и не может быть доставлено на судебно-медицинскую экспертизу либо живое лицо отказывается от медицинского обследования, основывается, в свою очередь, на приведенных положениях ст.28 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которым судебно-медицинский эксперт не вправе производить судебную экспертизу в принудительном порядке в отношении живого лица, если в процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления этого лица на судебную экспертизу.

Таким образом, утверждения адвоката, как правильно указал суд, основаны на неверном толковании установленных правил.

Суд создал стороне защиты условия и обеспечил возможность оспорить результаты экспертиз, способом, который не запрещен действующим уголовно-процессуальным законом, а именно, предоставив им, вопреки

утверждениям адвоката об обратном, право исследовать полученные по ее запросу заключения специалистов, как в отсутствие присяжных заседателей, с целью установления оснований для назначения и производства дополнительных либо повторных экспертиз, так и с участием коллегии присяжных - на предмет выяснения обстоятельств, способных повлиять на их подход к оценке выводов экспертов.

Признание ряда заключений специалистов в части или в полном объеме недопустимыми доказательствами основано на положениях ст.58 УПК РФ, которые определяют круг полномочий специалиста, не предоставляя ему право подменять эксперта, а равно, осуществлять рецензирование экспертных выводов и давать им оценку с точки зрения допустимости и достоверности.

В судебном заседании сторона защиты представила присяжным заседателям показания специалиста В [] допрошенного в их присутствии неоднократно и по обширному кругу вопросов из области судебной медицины, криминалистики, баллистики, причем с участием последнего в осмотре вещественных доказательств по делу, в частности, оружия, гильз и пули.

Оснований для производства комплексных судебных медико-криминалистических экспертиз, в ходе которых сторона защиты предлагала разрешить вопросы о возможности производства Евстратьевым, с учетом его состояния здоровья, выстрела из карабина, а также, касающиеся идентификации пули и гильзы с оружием, из которого они стреляны, суд не установил, что развернуто и убедительно аргументировал в постановлении от 22 марта 2022 г. со ссылкой как на отсутствие исходных данных для производства экспертных исследований, так и на уже проведенные ранее экспертизы, которые содержат ответы на аналогичные вопросы.

При этом, исходя из занятой Евстратьевым позиции по делу, в судебном заседании исследован значительный объем доказательств, представленных стороной защиты в подтверждение алиби подсудимого о непричастности к преступлению, а равно, направленных в целом на опровержение обстоятельств преступного события, приведенных в обвинительном заключении. Так, в частности, путем допроса и оглашения исследованы показания М [], З [], Д [], Ч [], Р [] []), Г [] родственников Евстратьева – Е [], С [], Ф [], Д [], специалиста В [] а также различные справки, копии путевых листов, медицинские документы, иные письменные доказательства, проведено сравнительное исследование роста самого Евстафьева относительно потерпевшей, указанных ею цвета глаз нападавшего.

Как следует из протокола судебного заседания, первоначальная инициатива об оглашении показаний потерпевших К [], данных ими в

стадии расследования дела, исходила именно от стороны защиты и существенность тех недостатков, которые протоколы их допросов имели, суд обсудил со сторонами. На основе выяснения у самих потерпевших объема прав, обязанностей и ответственности, разъясненных им следователем, а также изучения с этой целью постановлений о признании их потерпевшими, не установил причин для того, чтобы считать показания К [] В. [] и К [] О [] полученными без соблюдения требований закона. При этом законность показаний, которые даны потерпевшими следователю, не состоит во взаимосвязи ни с правильностью установления процессуального статуса К [] В. [] и М [], ни с легитимностью их показаний, которые от них получены в ходе судебного разбирательства дела.

Никаких новых оснований, которые не были предметом исследований судов первой и апелляционной инстанций, но могли влечь исключение доказательств из разбирательства по мотиву их недопустимости, в кассационной жалобе адвоката Шухардина не содержится.

Не имеется данных о том, что какие-то существенные для исхода дела доказательства были безосновательно отвергнуты судом, либо суд незаконным образом воспрепятствовал их представлению стороной защиты для исследования.

В ходе судебного разбирательства в полной мере соблюден принцип состязательности сторон, созданы условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и реализации предоставленных им прав, обеспечено их процессуальное равенство.

Подтверждения необъективности суда, его предвзятости, предоставления преимуществ одной из сторон, а также обвинительном уклоне судебного разбирательства дела, в протоколе судебного заседания Судебная коллегия не находит.

Требования председательствующего судьи к участникам процесса, выразившиеся в запрете на совершение ими в судебном заседании, не отвечавших особенностям судопроизводства действий, на доведение до сведения присяжных заседателей неотносимой и недопустимой информации, кроме того, в замечаниях, сделанных нарушителям регламента, включая случаи, когда стороны, будучи с ними несогласными, подали возражения, а также, имевшие место обращения судьи к коллегии с различными разъяснениями, были обусловлены наличием соответствующих поводов, продиктовано в сложившейся обстановке процессуальной необходимостью и, как полагает Судебная коллегия, не являлись столь избыточными, что позволяло бы их отнести к несоблюдению судом уголовно-процессуального

закона.

Многочисленные заявления стороны защиты об отводе председательствующего судьи рассмотрены и ввиду отсутствия оснований, предусмотренных ст.61, 63 УПК РФ, правомерно отклонены.

Предоставление судом стороне обвинения права на исследование доказательств в стадии дополнений основано на положениях ст.291 УПК РФ. Необходимость представления дополнительных доказательств и их объем был определен государственным обвинителем в зависимости от тех доводов, которые, по его мнению, требовали опровержения после исследования доказательств по ходатайству стороны защиты. Реализация стороной обвинения своего права в указанной стадии, в том числе на представление доказательств, которые не указаны в обвинительном заключении, не нарушает законных интересов подсудимого, тем более, что фактически после каждого из подобных ходатайств, адвокату и подсудимому была обеспечена возможность подготовки к их обсуждению, а свидетель Л. [REDACTED] допрошен сначала в отсутствие присяжных заседателей.

Утверждения адвоката о более выгодном по сравнению со стороной защиты месте расположения государственного обвинителя в зале суда относительно скамьи присяжных заседателей и наличие в связи с этим преимуществ в доведении до их сведения непроцессуальным путем своей позиции по делу, является не более, чем субъективным рассуждением, не имеющим под собой почву, поскольку согласно протокола судебного заседания, ни одной из сторон, включая сторону обвинения, председательствующий судья не позволил нарушить порядок в судебном заседании указанным адвокатом в своей речи способом, оказать на коллегию незаконное воздействие, обратившись к ней без получения на то разрешения, в случае процессуальной необходимости.

Порядок проведения прений, формулирования вопросов, обращения председательствующего судьи с напутственным словом и вынесения коллегией присяжных заседателей вердикта соответствует требованиям УПК РФ.

В вопросах у присяжных заседателей выяснялись те обстоятельства, которые необходимы для установления событий преступлений, причастности к ним Евстратьева и его виновности, а также имеют значение для правильного применения норм уголовного права, то есть, для квалификации действий подсудимого; сформулированы они в вопросном листе применительно к требованиям ч.1 ст.339 УПК РФ, с учетом однородности действий, инкриминируемых Евстратьеву, которые образуют совокупность преступлений и привели к причинению в ходе разбойного нападения как

тяжкого вреда здоровью К [REDACTED], являющегося обстоятельством квалифицирующим разбой, так и к наступлению смерти потерпевшего, что образует состав убийства.

Несмотря на многочисленные замечания адвоката Шухардина по содержанию проекта вопросного листа, предложений о том, что каждое из этих преступлений требует постановки отдельных вопросов, от него не поступило. Вопреки доводам защитника, основанием отмены прежде постановленного в отношении Евстратьева оправдательного приговора, являлось не только формулировка вопросов, которые были поставлены перед присяжными заседателями, но и оказание на последних незаконного воздействия.

Процедура вынесения вердикта соответствует установленной ст.343 УПК РФ. Доводы адвоката о разглашении присяжными заседателями существа вердикта до его вынесения, с чем он связывает сделанное старшиной присяжных заседателей заявление перед объявлением перерыва в их совещании об отсутствии у коллегии единодушного ответа на последний вопрос, что, по мнению Ш [REDACTED] позволяло прийти к выводу о признании ими Евстратьева виновным, являются несостоятельными. Указанная позиция защитника носит не иначе как характер предположений, поскольку не учитывает процедуру принятия присяжными заседателями решения, их полномочия при вынесении вердикта и, как таковые, особенности указанной стадии. Так, в соответствии с ч.8 ст.343 УПК РФ в случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, старшина с согласия большинства присяжных заседателей вписывает после него слова «без ответа». Соответствующие разъяснения присяжным заседателям были даны и понятны.

Таким образом, как положительные, так и отрицательные ответы присяжных заседателей на вопросы о доказанности событий преступлений, причастности к ним Евстратьева и его виновности, в любом случае предполагали получение согласия большинства из них на принятие решения по вопросу №4, в том числе в виде «без ответа».

Кроме того, в случае положительных ответов на первые три вопроса их содержание также невозможно предвидеть, так как присяжные заседатели наделены известным им правом исключения из числа доказанных существенных обстоятельств, что в результате также могло влечь по своей сути тот же оправдательный вердикт, когда, например оставшиеся установленные действия не образуют состава преступного деяния. И, наконец, поскольку стадия вынесения вердикта, в которой адвокат счел, что тайна совещания присяжных заседателей была разглашена, предполагала продолжение их совещания поставленных перед ними вопросов, что позволяло им пересмотреть данные ответы.

Повода для того, чтобы признать обвинительный вердикт вынесенным в отношении невиновного и, соответственно, принять решение о роспуске коллегии присяжных заседателей в соответствии с ч.5 ст.348 УПК РФ, председательствующий судья не имел.

О наличии подобного основания не свидетельствует приведенная адвокатом в жалобе оценка заключениям специалиста В [REDACTED] показаниям эксперта Т [REDACTED], свидетелей Л [REDACTED] Г [REDACTED] А [REDACTED] Е [REDACTED], различным протоколам следственных действий, совокупность которых, по утверждению Шухардина, опровергает место, время и иные обстоятельства причинения смерти К [REDACTED], а также причастность к ним Евстратьева.

Таким образом, Судебная коллегия полагает необходимым признать, что в ходе судебного следствия по делу не было допущено нарушений УПК РФ, которые ограничили право стороны защиты на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных ими ответов, а равно, иного характера, с которыми УПК РФ связывает возможность отмены приговора суда, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей.

Приговор по уголовному делу постановлен в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, отвечает по форме и содержанию требованиям, установленным законом: в нем, в частности, отражены все значимые в силу ст. 73, 307 УПК фактические обстоятельства преступлений с указанием места, времени, способа их совершения Евстратьевым, а также - мотивов его действий и наступивших последствий, которые в полной мере следуют из вердикта. Умысел Евстратьева на завладение имуществом К [REDACTED], с учетом обстоятельств, установленных в вердикте, является бесспорным.

Недоказанность предварительной договоренности между Евстратьевым и его соучастником на лишение К [REDACTED] жизни не свидетельствует об отсутствии у осужденного цели и намерения на причинение последнему смерти, вывод о чем следует из содержания вердикта.

Ни правовых, ни фактических оснований для переквалификации действий осужденного на ч.1 ст.105 и ч.3 ст.162 УК РФ, а равно, для признания убийства, как совершенного в результате эксцесса одного из нападавших, что предлагает в своей жалобе защитник, Судебная коллегия не находит. По п. «ж» ч. 2 ст.105 УК РФ, а также за хищение в ходе разбоя 45 000 руб. Евстратьев не осужден, а потому доводы, приведенные адвокатом в этой части, беспредметны.

При назначении наказания суд выяснил все обстоятельства, которые влияют на меру ответственности Евстратьева, относятся к его личности и содеянному им, в том числе смягчающие наказание, среди которых его состояние здоровья и возраст, инвалидность супруги, принял во внимание имущественное положение, трудоспособность, влияние наказания на его исправление и условия жизни семьи; не установил оснований для назначения наказания ниже низшего предела и условий, предусмотренных уголовным законом для применения ч.6 ст.15, ст.73 УК РФ, не допустил нарушений положений ст.401.6 УПК РФ, обосновав должным образом приговор в указанной части. При таком положении, утверждения адвоката о назначении Евстратьеву наказания с нарушением требований ст.6, 60 УК РФ безосновательны.

Каких-либо новых данных, которые влияли бы на наказание, но не были установлены судом либо неучтены им в полной мере Судебной коллегией не установлено.

Вопросы условно-досрочного освобождения осужденного от наказания и замены неотбытой части более мягким наказанием подлежат разрешению иным судом и на другой стадии.

Апелляционные жалобы осужденного Евстратьева и адвоката Шухардина рассмотрены судом с соблюдением установленного законом порядка, с должным разрешением поступивших ходатайств, без проявления предвзятости к стороне защиты и в условиях, которые ей обеспечивают возможность реализации предоставленных прав. В апелляционном определении суд полно и без искажений привел доводы жалоб, не допустил формального подхода к проверке их обоснованности.

Всем заслуживающим внимания доводам, способным в случае их подтверждения повлечь пересмотр постановленного приговора, суд апелляционной инстанции дал оценку по установленным правилам со ссылкой на материалы дела и протокол судебного заседания, обосновал в необходимой мере сделанные выводы установленными данными, а также положениями уголовно-процессуального закона, регулирующего судопроизводство по делу с участием присяжных заседателей, вынес определение, отвечающее требованиям ст. 389.28 УПК РФ.

Иных убедительных и требующих проверки доводов о нарушениях, допущенных при рассмотрении дела, адвокатом не приведено. Не установлено Судебной коллегией других обстоятельств правового характера, которые вызывают сомнения в правильности применения судом норм уголовного и уголовно-процессуального законов, являются основаниями для пересмотра судебных решений в кассационном порядке.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 401.14 УПК РФ,
Судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

приговор Челябинского областного суда от 25 мая 2022 г. и
апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго
апелляционного суда общей юрисдикции от 3 октября 2023 г. в отношении
Евстратьева Бориса Николаевича, оставить без изменения, а кассационную
жалобу адвоката Шухардина В.В. - без удовлетворения.

Председательствующий судья

Судьи

